

Я люблю актеров...

СОБЕСЕДНИК

Только что отметил свой день рождения главреж Волковского Владимир Боголепов. Это почти совпало еще с одной датой: девять лет назад, в декабре 1995 года, он приехал из Москвы в Волковский театр. После Фирса Шишигина, руководившего театром 17 лет, ни один из главных не задерживался здесь больше чем на три года. Появление Владимира Георгиевича – с лицом священника и фамилией Боголепов, обещавшей этому дому мир, – помогло пережить театру непростое время.

Предложение возглавить театр он принял, когда его семья – жена и дочь – уехали жить в Испанию. Тогда было все равно – Москва или Ярославль, от Испании одинаково далеко.

Задача перед ним стояла непростая – сделать Волковский центром русской провинциальной культуры. Задачу он считает выполненной, хотя прожил театр это время не без ошибок и неудач. Его последняя премьера в этом сезоне – «Дикарь» по пьесе испанского драматурга Александра Касона – состоялась совсем недавно. До конца года в Волковском ожидаются еще три премьеры, но они пройдут уже без него. В январе Владимир Георгиевич уедет в Испанию, к семье, расставание с которой с каждым годом переносит все тяжелее. Навсегда? С хитрой улыбкой отвечает: «В творческий отпуск». Решили поговорить с ним не о новом спектакле, как обычно, а о главном режиссере Волковского, заслуженном деятеле искусств России Владимире Боголепове.

– В 1963 году четырнадцатилетний мальчик из Куйбышева Володя Боголепов стал студентом Ярославского театрального училища. Почему в театральное и почему в Ярославль?

– Это очень мелодраматическая история, почти по Диккенсу. Родился в Самаре, куда во время войны вместе с авиационным заводом перевели папу. Жили мы в рабочем районе, который назывался Безымянка. Ехать до театра на трамвае – час. Зато рядом с нами был клуб «Мир». За участие в самодеятельности можно было бесплатно ходить в кино. И я пошел в драмкружок. Там оказался прекрасный педагог Камышикова. Она перевела меня в народный театр. Ничего в этом ремесле не понимая, я играл большие роли, гастролировал. Она мне порекомендовала заняться театром и написала письмо Николаю Михайловичу Северу в Ярославль. Я приехал, меня прослушал Давыдов, сказал, что все хорошо, но не закончено образование – как раз это был год перехода с семилетки на восьмилетку. Сказали: «Если сдашь за три месяца все за 8-й класс – приедем, возьмем». Вернувшись домой, я пошел в район и попросил сдать экстерном. Если бы тогда можно было купить аттестат, наверное, купил бы. Но было все серьезно – экзамены принимала комиссия, и я все сдал очень прилично.

Когда я вернулся в Ярославль, все были потрясены: моего возвращения ждали через год. Так началась учеба у Владимира Александровича Давыдова.

– Чем вспоминаются годы учебы?

– Это была целая жизнь. Хотя училище считалось средним, здесь были такие мастера, которых я и в ГИТИСе не видел. Мы буквально жили в театре.

– Многие выпускники училища оставались в Ярославле, вы уехали. Почему?

– Нас никто в Волковский не приглашал. Была конфликтная ситуация между Давыдовым и Шишигиным. Но, наверное, никто бы и не остался. Прожив целую жизнь за эти че-

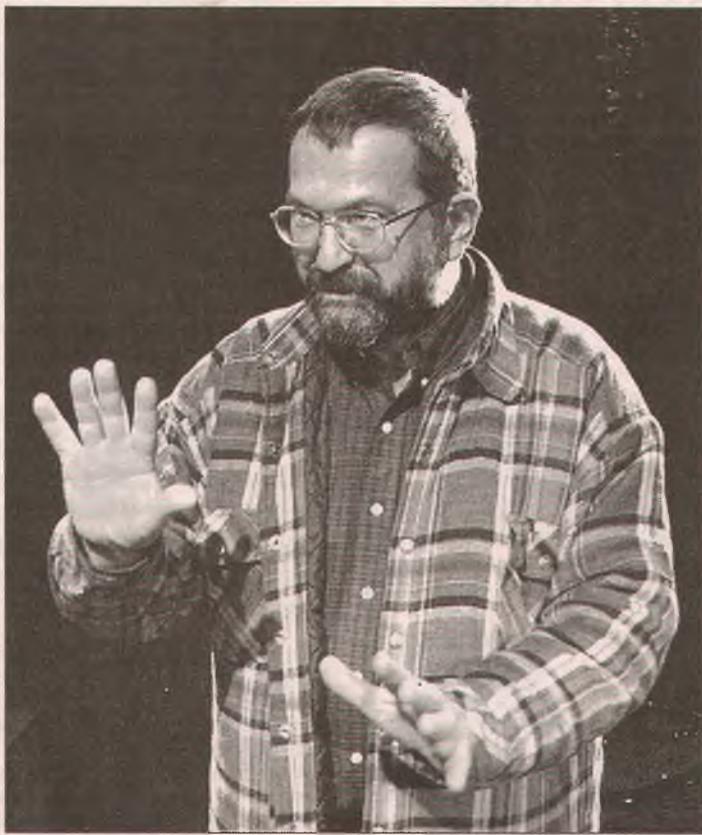

фото Сергея МЕТЕЛИЦЫ

тыре года, мы думали, что Ярославль уже poznали, надо лететь дальше.

– И куда полетел молодой красивый актер?

– Во Владимир. Там я за два года сыграл 24 роли. Именно роли, главные. Я уже кое-что начал в профессии понимать. А в 1969 году поехал в Москву, поступил к Андрею Александровичу Гончарову, которого искренне считаю своим учителем. Потом работал на его курсе. Вместе с ним выпускали «Разгром», он гордился этим спектаклем. Наш курс родил «Характеры». Тогда познакомились с Василием Макаровичем Шукшиным. Меня оставили в театре Маяковского, но когда я был уже женат и у меня должна была родиться дочь, я ушел в театр Гоголя. Он единственный мог предоставить московскую прописку для трех человек. В благодарности за это я многие годы вынужден был ставить спектакли о советских космонавтах и милиции. Но нисколько об этом не жалею, я встретился с такими удивительными людьми, как Юлиан Семенов, многими космонавтами, Бондаревым, Абрамовым. Были бессонные ночи за разговорами. Это «мои университеты» в театре имени Гоголя.

– Вы работали за границей. Наши представления о большей свободе творчества и лучшей доле артистов на Западе – иллюзия или правда?

– Интересная поездка была в Америку, ставил спектакль в центре Юджина О'Нила. Наш отдел ЦК по идеологии, который мы всячески критиковали, ничего не стоит по сравнению с тем, как разрабатывается идеология там. Разрабатывается открыто. Это было в 1995 году, они тогда нажимали на то, что нет белых и черных, есть одна нация – американцы. И главное – добро, добро, добро. Никакой чернухи. Очень интересно было увидеть жизнь их актеров. У нас были прекрасные переводчики, которые знали их театральный мир. И то, что там актеры живут лучше, – легенда. Звезды – лучше, для

всех остальных – труд, труд и труд. Мы жили в прекрасных условиях на берегу океана, но в жару американские актеры лежали под деревьями и зубрили роли. Один из них позволил себе опоздать на 5 минут на генеральную репетицию – покупал цветы и подарки русским леди. Его наказали так, что на нем лица не было. И когда я по нашей традиции пошел за него просить, мне дали понять, что это не мое дело, от-

нельзя». Я знаю, что ко мне по-разному относятся. Вижу, как со мной здороваются, как отводят глаза. Но я всех их люблю. Говорю как перед Богом. Даже когда кричу, ругаюсь, что бывает редко, делаю это любя. Люди, которые пришли в нашу профессию, – особые. Станиславский ставил профессию актера выше режиссерской. Чудо происходит только в момент встречи актера и зрителя.

– А как быть с теми, кто этого чуда ни разу не пережил? Попросить уйти из театра?

– В актерской профессии, как в любой другой, много случайных людей. Но так сложилась их судьба, и не мне ее менять. Я знаю чудеса, которые происходили в этой профессии. Ведь не увидел же Шишигин Смоктуновского. Он видел в нем только странного человека, который в его театре не нужен.

– Разочарования в актерах бывают?

– Бывают. Иногда мы не хотим взбивать сливки, чтобы получилось масло. Для театра это катастрофа. Меня приводят в бешенство равнодушные люди, которые «не тратятся»: пришли в эту профессию, а даже в физическую форму себя привести не могут. Здесь работать нельзя, искусству можно только служить. Ярославский театр – один из последних островков такого служения. В таких театральных службах, как пошив, реквизит, производство, люди умеют очень много, а получают копейки. Но они служат театру, для них театр – праздник. К сожалению, уходят старые мастера, воспитанные в другой среде. Боюсь, что с их уходом некому будет передать эту эстафету служения молодым актерам, о которых мы так мечтаем и столько говорим.

– Выбор репертуара в последние годы вызывает некоторое удивление, классики в академическом театре стало меньше. Чем это вызвано?

– Наш поворот от классики к сентиментальной драме объясняется тем, что сейчас человеку необходимы положительные эмоции, надежда. Когда-то такие сказки спасли Америку. Наше поколение всегда жило с надеждой – не с верой в коммунизм, а с верой в то, что завтра будет лучше.

– В выборе репертуара совсем нет подстройки под вкусы наших зрителей, которые с годами, к сожалению, не становятся лучше...

– Прочитую Маркса: «Чтобы понимать искусство, надо быть культурно образованным человеком». «Нет ничего смешнее русского слова «жопа», – так говорил Гоголь. И, к сожалению, это тот уровень, к которому мы скатились. Востребованы сейчас легкие пьесы. Все меньше людей, проявляющих интерес к классике. Но раз в два года мы обязательно обращаемся к Островскому. В его пьесах мощный слой культуры. В нашем репертуаре Чехов, Толстой – не столько, сколько хотелось бы, но есть.

– Не знаю, видно ли это со сцены, но в зрительном зале сегодня бывает грустно. Зритель реагирует не на игру, а только на текст, явно слыша впервые очень известные вещи. Сегодня зрительный зал – прямое отражение процесса, который называют деградацией и дебилизацией общества. Как вы думаете, это необратимо?

– Я очень надеюсь, что это просто полоса, ее надо пережить. Знаю много молодых людей, тянущихся не только к Интернету, но и к той основе русской культуры, которая начинается с «Словом» и заканчивается прекрасным XX веком.

Марина ШИМАНСКАЯ.